

УДК 81'33

ЛИНГВОЦИД КАК СТРАТЕГИЯ СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙН

© 2020 г.

В.Р. Муравлева

Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, Москва

VR.Muravleva@mail.ru

Поступила в редакцию 05.12.2019

Рассматриваются процессы, реализуемые в русском языке в целях информационного воздействия на население Российской Федерации. Автор связывает языковые манипуляции с манипуляцией сознанием и разрушением понятия «культурная идентификация». На основе анализа текстов СМИ выявлены наиболее распространенные средства подобного речевого воздействия (снижение стиля, упрощение языковых форм, активное употребление заимствований).

Ключевые слова: информационная война, информационное воздействие, языковая манипуляция, язык, сознание, семантика, этимология.

Облик современного общества всё чаще определяется глобализационными процессами, отеснившими и уверенно уничтожающими такое понятие, как «культурная идентичность» – воплощение национально-культурного сознания, проявляющееся в традициях, нравственных ориентирах, жизненном укладе, моделях поведения и языке. Глобализация запускает процессы аккультурации, в ходе которой искореняется любая возможность национально-культурной идентификации, что неразрывно связывает её с государственной безопасностью и определяет актуальность всестороннего изучения информационного воздействия на человеческое сознание.

Аналізу взаимосвязи таких явлений, как глобализация, культурная (само) идентификация, информационное пространство, информационное воздействие, посвящены работы таких авторитетных исследователей, как С.Г. Кара-Мурза, М. Кастельс, А.В. Манойло, А.С. Панарин и другие. С лингвистической точки зрения вопросами языковых процессов и их последствий, связанных с межкультурной коммуникацией и информатизацией общества, занимались следующие ученые: В.Ю. Барбазюк, Л.П. Крысин, Т.Г. Попова, Г.Г. Почепцов, Н.А. Сидорова, С.А. Степанов и другие.

В процессе информатизации общество качественно меняется не только в техническом отношении, но и в социальном и духовном [1, с. 105]. Духовный потенциал общества, его способность к развитию и достойному существованию в мировом сообществе обеспечивает именно психическая деятельность людей. Согласно профессору А.В. Манойло, «психическая деятельность, базирующаяся на сборе, обработке, хранении, передаче и распространении инфор-

мации, определяет личностное своеобразие человека, его духовные потребности, мотивацию поведения, нравственные ценности, мировоззрение, отношение к окружающим и обществу в целом» [2, с. 33]. В свою очередь, данные процессы реализуются посредством языка, который на современном этапе стал мощным оружием в руках участников информационных войн. Испанский социолог М. Кастельс отметил, что «влияние на умы, формирование сознания – более глубокая и устойчивая форма доминирования, нежели власть над телом посредством устрашения или насилия» [3, с. 9]. В попытках убедить противника в своей правоте акторы данных «сражений» умышленно искажают устоявшиеся речевые нормы, заменяя тем самым и их культурно-аксиологическую функцию: сберечь и приумножить идеалы и традиции нации. Для обозначения политики подавления языка какого-либо народа профессор А.П. Сковородников «по аналогии с собственно экологическим термином «экоцид» (разрушение окружающей человека природной среды, нарушение экологического равновесия) предлагает использовать термин «лингвоцид», появившийся в русле нового направления исследований – лингвоэкологии, которая рассматривает «соотношение языковой и речевой среды с отдельным человеком и социумом в целом» [4, с. 11].

Одним из первых лингвистов, связавших язык и сознание, был В. фон Гумбольдт. В своём труде «О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода» он сформулировал идею о том, что каждому языку присуща специфическая внутренняя форма, отражающая дух народа. Язык является не только и не столько средством общения, но, что ещё более важно, он

является средством передачи культуры и самобытности нации [5].

В своей книге «Языковой вкус эпохи» В.Г. Костомаров заметил, что «язык меняется по своим внутренним законам, от нас не зависящим. Язык – это всепригодное орудие», которое «даёт то, что нам необходимо. Поэтому о деградации языка говорить нельзя. Можно говорить о состоянии общества, которое пользуется данным языком. <...> Спасать нужно нас, а не язык» [4, с. 13–14].

В последнее десятилетие можно отметить рост «жертв дигитализации»: современное молодое поколение, которое не любит читать художественную литературу, особенно если описываемый в ней мир не совпадает с их действительностью. Они не могут читать классическую литературу, т. к., привыкнув к самокоммуникации в Интернете, они не способны к восприятию длинных текстов. Количественная ограниченность знаков, воспринимаемых сегодняшней аудиторией, не позволяет авторам современных текстов использовать ряд средств образной выразительности (например, развернутую метафору). Как следствие, молодое поколение «не чувствует вкуса» даже своего родного языка, не говоря уже об иностранном. Известный педагог В.А. Сухомлинский в очерках «О воспитании» подчёркивал важность понимания эстетической составляющей русской речи: «Я добивался того, чтобы слово было для ребёнка не просто обозначением вещи, предмета, явления, но несло в себе эмоциональную окраску – свой аромат, тончайшие оттенки. Важно было... чтобы красота слова, красота той частицы мира, которую это слово отражает, пробуждала интерес к тем рисункам, которые передают музыку звуков человеческой речи, – к буквам. До тех пор, пока ребёнок не почувствовал аромат слова, не увидел его тончайших оттенков, – нельзя вообще начинать обучение грамоте...» [6, с. 90].

Когда большинство представителей общества не умеет владеть своим родным языком, обязательно появляются те, кто использует язык как инструмент принуждения личности. М.М. Курочки и М.В. Маслова в своей работе «Типология и функции языка в контексте гуманитарной безопасности и социальной проективности» отмечали, что «разрушение и повреждение языка ведёт к утрате человеком картины мира, возможности ориентироваться и принимать адекватные решения» [7, с. 121].

Со временем упрощение языка общения непременно способствует упрощению мышления и лености ума. Человек перестает воспринимать информацию, требующую сложных мыслительных процессов, и уж тем более не

пытается проникнуться истинными целями авторов текстов СМИ. Н.В. Мальчукова в своем диссертационном исследовании «Природа эффективности языковой коммуникации» пишет: «Современная массовая коммуникация в быденной и эстетической сферах в частности, имея своей основой примитивизированную форму языка, не может дать позитивное представление о языке, обеспечивающее духовное развитие человека. Результатом процесса современной массовой коммуникации является, таким образом, герметизация мышления, ведущая не к развитию субъекта, а к его «зомбированию» [8, с. 16].

Н. Кадя, автор статьи «Последний рабочий день», пишет: *Времена «трудовых колоний» с регулярной получкой и авансом заканчиваются* [9, с. 31].

Заменив «заработную плату» разговорным синонимом «получка», образованным с помощью уменьшительно-ласкательного суффикса -к-, автор как бы подчёркивает размер выплат, получаемых в «трудовых колониях». Упрощённый вариант выражения объекта действительности в совокупности с субъективно-эмоциональной окраской относит на второй план свою качественную характеристику «регулярной», подчёркивающую явно положительные свойства любой заработной платы. Однако составленные Н. Кадя смысловые акценты не позволяют неподготовленному читателю углубиться в такие тонкости.

Рассмотрим другой пример.

... *Причём, как правило, все сводится к одному – кризис **принёр**, кормовая база коррупционеров сжимается, вот они и дерутся за место у тающей день ото дня **кормушки**, сдают друг друга, а потом ещё и пляшут на костях поверженных конкурентов* [10, с. 4].

При прагмалингвистическом анализе данного предложения можно сделать вывод о том, что коррупционеры сравниваются с животными, которые «дерутся у... **кормушки**» или «**кормовой базы**», а потом подобно столь же диким, как и животные, народам «**пляшут на костях поверженных**» врагов. Стоит отметить, что здесь образность ситуации построена на искусственной номинации: «**кормушка**» не является непосредственным денотатом, это объект образа реальности, представленный метафорой.

*Накануне свадеб с невестами порой случаются разные **закидоны*** [11, с. 2].

Использование грубого просторечного слова «**закидоны**» в самом начале статьи «Эх, яблочко» задаёт тон всей статьи. Адресаты сообщения могут подстроиться под уровень автора: ощущение того, что адресант также находится в состоянии морально-эмоционального напряжения, поз-

воляет аудитории расслабиться, а следовательно, «отключить» защитные механизмы и принимать всю информацию за «чистую монету», не утруждая себя мыслительными процессами.

Гумбольдт утверждал, что язык, будучи произведением национального духа, «глубоко входит в умственное развитие человечества, так что в языке можно узнать всякое состояние умственного развития народа» [12, с. 399]. Чем проще лингвистические средства текста, тем меньше читателям необходимо применить усилий в процессе вторичной коммуникации (при декодировании сообщения).

*В композиции «Паганини», поставленной Марсело Гомесом, девушке удалось изобразить одновременно скрипку, скрипача и **респект публике**, лишь считанные разы повернувшись к залу спиной* [13].

Раздел «Культура» в различного рода средствах массовой информации всегда интересовал аудиторию, отличающуюся высоким уровнем образования и воспитания, однако даже в статьях этой тематики стали появляться разговорные выражения, снижающие тональность повествования: едва ли стилистически сочетаемо с исполнением «композиции «Паганини»» молодёжное слово «**респект**».

Наиболее доступные средства упрощения речи нации, например минимизация синонимии, акцентированное использование грубой, разговорной и нейтральной лексики, активно применяются и в таком тактическом приёме информационной войны, как «Свои ребята, или Игра в простонародность». Данный ход используется в целях установления доверительных отношений с адресатом. Автор текста выполняет подстройку под предполагаемый круг общения реципиента информации. Иногда можно отметить и снижение планки до более низкого уровня, когда аудитория захочет даже посочувствовать: особый акцент делается на обычных, повседневных действиях (будь то поездка в переполненном транспорте или длительное ожидание в государственных учреждениях), метонимических образах лиц, с которыми обычно складываются «отстраненно-доверительные отношения» (сосед, коллега из отдела этажом выше, продавщица в местном магазинчике, которые всегда счастливы поделиться пусть не самыми точными, зато интересными новостями или попросту слухами), незащищённых слоях населения (бабушки, сидящие около подъезда; бедный студент, подрабатывающий в свободное от учёбы время, чтобы оплатить собственное образование; мать-одиночка, воспитывающая троих детей) и т. д. Сделав центральным звеном повествования представителя «простого народа»,

автор текста обрекает свои идеи, предложения, высказывания на успех. Попав в голову читателя, идея уже закрепляется в его сознании как «своя собственная», даже если он с ней не согласен.

*В Киев я ехал на обычном автобусе. В салоне были сплошь украинцы и лишь пара россиян, обзаведшихся ВНЖ. Сзади меня сидели две **тётки** из житомирской сельской глубинки, которые обсуждали предстоящие выборы* [14, с. 12].

С самого начала статьи автор описывает свои «обычные» действия и «обычное» окружение. Иными словами, он заявляет: «я такой же как Вы, мне скрывать нечего, поэтому сейчас я расскажу Вам всю правду». Передав «достоверную» информацию от «**тёток из житомирской сельской глубинки**», автор продолжает: *Более того, Коломойский, как я узнал из **трёпа** киевских штабистов, ставил на Тимошенко как на более системного кандидата, рассматривал Зеленского лишь как её «**спойлера**», а сейчас пребывает в шоке, потому что тот уже играет в свою игру* [14, с. 12].

Здесь ранг источника повышается, тем самым подтверждая предыдущую информацию. «**Киевские штабисты**» – люди максимально близкие к избирательному закулисию, а разговорные слова «**трёп**» и «**спойлер**» показывают, что ситуация общения происходила в расслабленной, неофициальной обстановке, располагающей к откровенности.

Особое место в изменении национальной картины мира занимает усиливающаяся мода на повсеместное использование иностранных слов (в большинстве своем, английских). С.Г. Карамурза ввёл такое понятие, как «семантический террор», суть которого заключается в применении многочисленных непривычных терминов, семантика которых незнакома и непонятна адресату. По мнению автора, это приводит к нарушению логики мышления и ослаблению защиты против манипуляционных действий адресанта.

*То есть её команда, не задумываясь, перенесла свой **месседж** времен «оранжевой революции» 2004 года...* [14, с. 12].

Семантика слова «**месседж**» совершенно не понятна русскоязычному читателю, и даже человеку, знающему английский язык, приходится додумывать, что же именно имел в виду автор.

Результатом подобного злоупотребления заимствованной лексикой нередко является информационная «опустошенность» материала и, вследствие этого, полная его бесполезность, поскольку для основного круга читателей значения большинства иностранных слов остаются непонятными [15, с. 57].

В книге «Культура парламентской речи» отмечается: «Средства массовой информации

просто поражены вирусом коленопреклонения перед всем западным, что также осложняет и без того непростую обстановку, связанную с агрессивным вторжением чужеродной лексики в русский язык» [6, с. 115].

Исследование, проведённое ЦБ РФ, установило: пенсионеры – лидеры среди всех возрастных групп по количеству банковских счетов, приходящихся на 100 человек, и аутсайдеры по интенсивности использования средств на них [17, с. 31].

Статья под названием «Золотые пенсионеры» определённо точно направлена на людей пенсионного и предпенсионного возраста. Возникает вопрос, насколько уместно использование в ней слов «аутсайдер» и «лидер» (кроме того, в данной статье описываются «сервисы», использование которых «повышает статус пенсионеров до уровня ВИП», а также «улучшает в глазах пенсионеров имидж» банка, предлагающего им карты с привязанными «бонусами» и «гарантированным кэшбеком»). Безусловно, сегодня многие пенсионеры легко справляются с современными технологиями и модными иностранными словами, однако в статье речь идёт в основном о тех бабушках и дедушках, которые предпочитают сразу снимать пенсию с карты и распоряжаться своими деньгами по старинке. Едва ли данная статья сможет убедить их в обратном. Для них прочитанное – лишь набор непонятных и бесполезных звуков, а иностранные слова создают видимость тонкого владения знаниями о предмете разговора автором текста. В глазах остальных читателей журналист красочно и убедительно описывает весь трепет и заботу, с которым банковские системы относятся к людям пожилого возраста.

В 20-е гг. XX века С.М. Волконский утверждал: «Влияние иностранного слова несомненно расслабляющее, когда говорящий не сознает под ним корней. Как всякое полужнание, оно хуже незнания, все равно как полуйстина есть заблуждение» [18, с. 46–47].

Семантическая структура языка не лежит на поверхности, а спрятана в глубине. Исследователи всё чаще отмечают, что даже затемнённая для современного сознания носителей языка внутренняя форма влияет на словоупотребление, неявно мотивируя его, и является, таким образом, «скрытой памятью языка» [4, с. 300].

Особенно отчётливо действия по лишению русского языка всякого смысла просматриваются в формулировании ценностей и идеалов молодого поколения. Газетные статьи пестрят фотографиями, на которых изображён «мальчик в костюме Бэтмена во время новогоднего представления в Государственном Кремлевском

дворце» [19]. Детям нравятся американские супергерои, семантика имён которых пуста для русского человека. Сегодня мало кто интересуется образами Добрыни Никитича или Алёши Поповича, но остановимся подробнее на внутренней форме слова «богатырь». Согласно этимологическому словарю Фасмера, это слово происходит от «укр. багаті́р, блр. багаты́р "богатый, богач" от богаты́й; см. Брандт, РФВ 21, 210. Заимств. из др.-тюрк. *baγatur (откуда и венг. bátor "смелый"), дунайско-булг. баγатуор, тур., чагат. batur "смелый, военачальник", шор. paγattyr "герой"». В свою очередь, слово «богатый» происходит от слов "хранимый богами", "достояние, счастье, доля; наделяющий, господин" [20]. Значение данного слова вобрало в себя истинные ценности русского героя, в то время как «человек–летучая мышь» подразумевает под собой в лучшем случае яркий внешний образ – картинку.

Естественный язык отражает определённый способ восприятия и концептуализации мира. Выражаемые в нём значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве ценностной всем носителям языка [21, с. 235]. Наиболее частотные образы непременно выдвоят из человеческого сознания даже те ценности и идеалы, которые закладывались тысячелетиями.

Язык – это связующее звено между прошлым, настоящим и будущим того или иного народа. Память для человека – это то, что позволяет событиям, фактам, чувствам прошлого жить в настоящем и в определённой степени обуславливать будущее. Подобно памяти внутренняя форма слова соединяет его историю с актуальным функционированием в речи, даёт основу для смыслового обогащения слова в контексте, содержит потенциал его будущего развития [4, с. 301]. Будущее любой страны всегда закладывается в детстве, в семье. Рассмотрим этимологию слова «семья» в русском и английском языках. «Семья» - *семья́ в устном народн. творчестве также в знач. "жена"*. Согласно Ляпунову (там же), *сьмья́ представляет собой собир. от сьмь, подобно братия. Родственно лит. sąite "семья, домохозяйка", гот. haimis "селение", д.-в.-н. heim "родина", греч. κόμη "селение"; сюда же д.-в.-н. hīwo "супруг", hīwa "супруга", лат. cīvis "гражданин", др.-инд. śévas "дорогой", çivás "приветливый, любезный" ...* [20].

Family L. familia, a household, = L. famulus, a servant [22, с. 153].

На данном примере видно, что семья в русском языке (часто трактуемая как «7 Я») гран-

диознейшим образом отличается от смысла слова «*фэмили*». «И если родной язык формирует и хранит человека и нацию, то инородный язык очень часто используется для разрушения, порабощения» [7, с. 121]. Всего лишь заменив одно слово, столь важное для нашего народа, человек обрубаёт свои корни и обрекает себя на погибель.

Из приведённых в статье примеров можно сделать вывод, что сегодня в ходе глобализационных процессов активно используются такие средства речевого воздействия, как снижение стилистических норм, употребление эмоционально окрашенной лексики и слов со стертой семантикой (заимствования), а также четкая социальная стратификация языковых средств. И если упрощение родного языка можно назвать внутренними угрозами культурной идентификации, то рост необоснованно введенных в русскую речь заимствований является скорее проявлением стремления перехода от одной культурной традиции к другой, а следовательно, подмене исконно русских ценностей чуждыми идеалами. Англицизмы вторглись во многие сферы жизни современного русскоговорящего человека: это политика, экономика, социальная сфера, культура, искусство, образование, воспитание и многие другие. Согласно О. Шпенглеру, «назвать что-либо своим именем – значит получить над ним власть: это существенная деталь колдовских манипуляций первобытного человечества» [23, с. 279]. Упрощая свой язык и переходя на модные слова, мы добровольно оставляем свою культуру. При этом эффективность противодействия информационно-культурному воздействию других стран (особенно США) в процессе глобализации не должна достигаться за счет отгораживания от всего мира, а должна стать естественным следствием концентрации национальных усилий на сбережении языка народа и максимальной реализации культурного и интеллектуального потенциала россиян.

Список литературы

1. Тюшкевич С.А. Некоторые предпосылки обеспечения безопасности человека, общества и государства в условиях глобальной информатизации // Глобальная информатизация и безопасность России: Материалы круглого стола «Глобальная информатизация и социально-гуманитарные проблемы человека, культуры, общества» (МГУ, октябрь 2000 г.) / Под ред. профессора В.И. Добренкова. М.: Изд-во Мос. ун-та, 2001.
2. Манойло А.В., Петренко А.И., Фролов Д.Б. Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны. 3-е изд., стереотип. М.: Горячая линия – Телеком, 2012. 542 с.
3. Кастельс М. Власть коммуникации: Учеб. пособие / Пер. с англ. Н.М. Тылевич; под науч. ред. А.И. Черных; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 564 с.
4. Володина М.Н. Язык СМИ и информационно-языковая экология общества // Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке / Под ред. М.Н. Володиной. М.: Академический Проект, 2011. 332 с.
5. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. С. 37–397.
6. Сухомлинский В.А. О воспитании / Сост. и авт. вступ. очерков С. Соловейчик. 4-е изд. М.: Политиздат, 1982. 270 с.
7. Курочко М.М., Маслова М.В. Типология и функции языка в контексте гуманитарной безопасности и социальной проективности // Военный академический журнал. 2015. № 3 (7). С. 117–122.
8. Мальчукова Н.В. Природа эффективности языковой коммуникации: Методологический аспект: Автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01 / Иркут. гос. ун-т. Иркутск, 2001. 18 с.
9. Кады Н. Последний рабочий день // Новое время страны. 2018. № 5. С. 31.
10. Прохвятилов В. Тихая охота // Наша версия. 2019. № 14 (689). С. 4.
11. Крымский В. Эх, яблочко // Наша версия. 2019. № 14 (689). С. 2.
12. Панченко В.А. Вильгельм фон Гумбольдт. Внутренняя форма языка как отражение самобытности этнической культуры // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. СПб., 2010. № 124. С. 396–401.
13. Иванова М. Гран-при Dance Open отправился в Амстердам [Электронный ресурс] // Известия. 2014.29.04. Режим доступа: <https://iz.ru/news/570089> (дата обращения: 03.11.2019).
14. Дмитриев И. «Одна бабка мне казалась, что Порошенко помре после выборов» // Наша версия. 2019. № 14 (689). С. 12.
15. Козырев В.А., Черняк В.Д. Свое и чужое: заимствованное слово в современной речи // Вестник Герценовского университета. 2007. № 3. С. 54–59.
16. Культура парламентской речи / С.И. Виноградов, Л.К. Граудина, В.П. Даниленко [и др.]; ред.: Л.К. Граудина, Е.Н. Ширяев; Ин-т русского языка РАН. М.: Наука, 1994. 360 с.
17. Лунин А. Золотые пенсионеры // Наша версия. 2019. № 19 (694). С. 31.
18. Волконский С.М. О русском языке // Русская речь. 1992. № 2. С. 33–47.
19. Новоженина Е. Новогодняя сказка, подарки и детский смех [Электронный ресурс] // РИА Новости, 2016. 28.12. Режим доступа: <https://ria.ru/20161228/1484828744.html> (дата обращения: 03.11.2019).
20. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка = Russisches etymologisches Wörterbuch [Электронный ресурс] / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачёва. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1986–1987. Т. 1–4. Режим доступа: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/> (дата обращения: 03.11.2019).
21. Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д. [и др.] Языковая картина мира и системная лексикография / Отв.

ред. Ю.Д. Апресян. М.: Языки славянской культуры, 2006. 912 с.

22. Skeat W.W. The Concise Dictionary of English Etymology. Ware: Wordsworth Editions Ltd., 2007. 643 p.

23. Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность / Пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К.А. Свасьяна. М.: Мысль, 1993. 663 с.

LINGUOCIDE AS A STRATEGY OF MODERN INFORMATION WARS

V.R. Muravleva

The article presents a review of processes implemented in the Russian language with the aim to produce an information impact on the population of the Russian Federation. The author links language manipulations with the manipulation of consciousness and destruction of the concept of "cultural identification". Based on the analysis of media texts, the most common means of such language manipulation have been identified (lowering the style, simplifying language forms, active use of borrowings).

Keywords: information war, information manipulation, language manipulation, conscience, semantics, etymology.

References

1. Tyushkevich S.A. Nekotorye predposylki obespecheniya bezopasnosti cheloveka, obshchestva i gosudarstva v usloviyah global'noj informatizatsii // Global'naya informatizatsiya i bezopasnost' Rossii: Materialy kruglogo stola «Global'naya informatizatsiya i social'no-gumanitarnye problemy cheloveka, kul'tury, obshchestva» (MGU, oktyabr' 2000 g.) / Pod red. professora V.I. Dobren'kova. M.: Izd-vo Mos. un-ta, 2001.
2. Manojlo A.V., Petrenko A.I., Frolov D.B. Gosudarstvennaya informacionnaya politika v usloviyah informacionno-psihologicheskoy vojny. 3-e izd., stereotip. M.: Goryachaya liniya – Telekom, 2012. 542 s.
3. Kastel's M. Vlast' kommunikacii: Ucheb. posobie / Per. s angl. N.M. Tylevich; pod nauch. red. A.I. Chernyh; Nac. issled. un-t «Vysshaya shkola ekonomiki». M.: Izd. dom Vysshej shkoly ekonomiki, 2016. 564 s.
4. Volodina M.N. Yazyk SMI i informacionno-yazykovaya ekologiya obshchestva // Yazyk i diskurs sredstv massovoj informacii v XXI veke / Pod red. M.N. Volodinoj. M.: Akademicheskij Proekt, 2011. 332 s.
5. Gumbol'dt V. fon. O razlichii stroeniya chelovecheskih yazykov i ego vliyaniya na duhovnoe razvitiye chelovechestva // Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu. M.: Progress, 1984. S. 37–397.
6. Suhomlinskij V.A. O vospitanii / Sost. i avt. vstup. ocherkov S. Solovejchik. 4-e izd. M.: Politizdat, 1982. 270 s.
7. Kurochko M.M., Maslova M.V. Tipologiya i funkcii yazyka v kontekste gumanitarnej bezopasnosti i social'noj proektivnosti // Voennyj akademicheskij zhurnal. 2015. № 3 (7). S. 117–122.
8. Mal'chukova N.V. Priroda effektivnosti yazykovoj kommunikacii: Metodologicheskij aspekt: Avtoref. dis. ... kand. filos. nauk: 09.00.01 / Irkut. gos. un-t. Irkutsk, 2001. 18 s.
9. Kadya N. Poslednij rabochij den' // Novoe vremya strany. 2018. № 5. S. 31.
10. Prohvatilov V. Tihaya ohota // Nasha versiya. 2019. № 14 (689). S. 4.
11. Krymskij V. Ekh, yablochko // Nasha versiya. 2019. № 14 (689). S. 2.
12. Panchenko V.A. Vil'gel'm fon Gumbol'dt. Vnutrennyaya forma yazyka kak otrazhenie samobytnosti etnicheskoy kul'tury // Izv. Ros. gos. ped. un-ta im. A.I. Gercena. SPb., 2010. № 124. S. 396–401.
13. Ivanova M. Gran-pri Dance Open otpravilsya v Amsterdam [Elektronnyj resurs] // Izvestiya. 2014.29.04. Rezhim dostupa: <https://iz.ru/news/570089> (data obrashcheniya: 03.11.2019).
14. Dmitriev I. «Odna babka mne kazala, chto Poroshenko pomre posle vyborov» // Nasha versiya. 2019. № 14 (689). S. 12.
15. Kozyrev V.A., Chernyak V.D. Svoe i chuzhoe: zaimstvovannoe slovo v sovremennoj rechi // Vestnik Gercenovskogo universiteta. 2007. № 3. S. 54–59.
16. Kul'tura parlamentskoj rechi / S.I. Vinogradov, L.K. Graudina, V.P. Danilenko [i dr.]; red.: L.K. Graudina, E.N. Shiryaev; In-t russkogo yazyka RAN. M.: Nauka, 1994. 360 s.
17. Lunin A. Zolotyie pensionery // Nasha versiya. 2019. № 19 (694). S. 31.
18. Volkonskij S.M. O russkom yazyke // Russkaya rech'. 1992. № 2. S. 33–47.
19. Novozhenina E. Novogodnyaya skazka, podarki i detskij smekh [Elektronnyj resurs]// RIA Novosti, 2016. 28.12. Rezhim dostupa: <https://ria.ru/20161228/1484828744.html> (data obrashcheniya: 03.11.2019).
20. Fasmer M. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka = Russisches etymologisches Wörterbuch [Elektronnyj resurs] / Per. s nem. i dop. O. N. Trubachyova. 2-e izd., ster. M.: Progress, 1986–1987. T. 1–4. Rezhim dostupa: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/> (data obrashcheniya: 03.11.2019).
21. Apresyan V.Yu., Apresyan Yu.D. [i dr.] Yazykovaya kartina mira i sistemnaya leksikografiya / Otv. red. Yu.D. Apresyan. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2006. 912 s.
22. Skeat W.W. The Concise Dictionary of English Etymology. Ware: Wordsworth Editions Ltd., 2007. 643 p.
23. Shpengler O. Zakat Evropy: Ocherki morfologii mirovoj istorii. 1. Geshtal't i dejstvitel'nost' / Per. s nem., vstup. st. i primech. K.A. Svas'yana. M.: Mysl', 1993. 663 s.